

2.5. КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ПОДХОД И КАК СПОСОБ АНАЛИЗА ДАННЫХ

Начиная с 1970-х гг., вместе с возрастанием интереса к математическим и статистическим методам в социальных науках стала отчетливо проявляться встречная тенденция: рост интереса к подходам, которые уведут нас назад — от чисел к задаванию людям вопросов и наблюдению (*Tesch*, 1990). Представители различных социальных наук в поисках новых форм и способов исследования обратились к практикам описательного рефлексивного исследования (феноменологии), интерпретативным практикам (герменевтике), различным формам анализа символов (символическому интеракционизму, этнометодологии, семиотике), анализу текста (контент-анализ, дискурс-анализ, анализ разговоров). Все это привело к оформлению своеобразного реформистского подхода, который на Западе получил название качественных исследований (*qualitative research*).

Качественные исследования: общая характеристика

Качественные исследования представляют собой область, образованную довольно неоднородным сообществом исследователей, разделяющих различные философские взгляды, развивающих различные подходы и по-разному трактующих само назначение качественных исследований. Часть этого сообщества предпочитает концентрироваться на разработке способов сбора, анализа и представления качественных данных, избегая широких эпистемологических дискуссий, противопоставления себя принятым в науке подходам к исследованию и стремясь ответить на ключевой вопрос: «Как мы можем получить валидные знания из качественных данных?» (*Miles, Huberman*, 1994; *Deu*, 1993; *Страусс, Корбин*, 2001; и др.). Другая часть представителей этого сообщества видит главную миссию качественных исследований — в критике и реформировании традиционных академических исследований в социальных науках и развенчания всевозможных дискриминирующих теорий, взглядов, стандартов, подходов и методологий исследования отдельных людей и сообществ (*Denzin, Lincoln*, 2000; *Lincoln, Guba*, 2000; *Улановский*, 2006; и др.).

Неоднородность и многоликость качественных исследований создает сегодня определенные сложности для их сторонников в разработке какого-то единого определения данной области. Тем не менее,

можно указать два критерия, которые позволяют их относить к одной рубрике: (1) *специфика качественного анализа и качественных данных* и (2) *специфика качественного подхода к исследованию*.

Слова как тип данных и средство анализа в качественных исследованиях

Как пишет Я. Дей, мы можем искать ядро качественных исследований не столько в согласии по поводу исследовательских подходов и в целях, сколько в типе данных, которые мы производим, и способе их анализа (*Deu*, 1993). В самом простом и безобидном определении качественные исследования — это исследования, имеющие дело преимущественно с качественными данными и качественными способами анализа.

Качественный анализ

Качественные способы анализа — это специальные формы анализа текста, делающие акцент не на подсчете и статистическом обобщении тех или иных единиц текста, но на их содержательном подразделении, обобщении, сравнении и интерпретации. А. Страусс и Дж. Корбин определяют качественные исследования как вид исследований, в которых данные получают нестатистическим, неколичественным образом (*Страусс, Корбин*, 2001). Процедуры анализа качественных данных стали активно разрабатываться в социальных науках начиная с конца 1970-х гг. К настоящему времени существует несколько подходов, в которых применяются различные процедуры сортировки и кодировки данных, выделения категорий и паттернов: интерпретативный подход М. Паттон (*Patton*, 1980), сетевой подход Дж. Блисс и коллег (*Bliss J., Monk M., Ogborn J.*, 1983), квазистатистический подход М. Майлза и А. Губермана (*Miles, Huberman*, 1994), подход «обоснованной теории» Б. Глазера, А. Страусса и Дж. Корбина (см. *Страусс, Корбин*, 2001), феноменологический анализ А. Джорджи (*Giorgi*, 2003), нарративный анализ Э.Дж. Мишлера (*Mishler*, 1986) и др.

Указанные подходы нацелены на решение, по сути, одной общей задачи: как категоризовать данные и установить связи между категориями. Эта задача составляет ядро качественного анализа (*Deu*, 1996). Значительная часть качественных исследований основана на анализе слов (высказываний, текста), которые могут быть сгруппированы, кластеризованы, разбиты на семиотические сегменты и организованы таким образом, чтобы позволить исследователю сопоставлять их, противопоставлять, выделять в них смысловые инварианты. Среди наиболее типичных процедур качественного анализа: выделение фраз,

паттернов, тем; кластеризация; поиск метафор; подсчет; сравнение; обобщение; сопоставление с имеющимися конструктами и теориями; и др. (Miles, Huberman, 1994). Существующие подходы можно расположить на шкале, один из полюсов которой составляет строго *формализованный* анализ, основанный на использовании четких кодифицирующих принципов и процедур, а другой полюс — более свободный *интерпретативный анализ*, допускающий интуитивное движение исследователя по собранным данным и их углубленное толкование. В целом, качественный анализ данных неизбежно предполагает процесс интерпретации и креативность, которые зачастую сложно сделать эксплицитными, но все же качественный анализ — совсем не таинственное, а тяжелое и иногда утомительное занятие (Jones, 1985).

Качественные данные

Качественные данные — любая информация, собираемая исследователем, которая выражается не в числах, а словах. Это некоторое содержание, которое исследователь выделяет из протоколов наблюдения, интервью, из документов и аудиовизуальных материалов и которое он формулирует, кодирует и передает словесно. В этом смысле качественные исследования — это исследования, которые преимущественно или исключительно используют слова в качестве данных и средств анализа. Я. Дей проводит различие между качественными и количественными данными в терминах различия между смыслами и числами: качественные данные соотносятся со смыслами, тогда как количественные данные — с числами. Способ, которым мы анализируем смыслы — концептуализация, тогда как способ, которым мы анализируем числа — статистика и математика (Dey, 1993). Качественные данные часто представляются как «более богатые» и «более аутентичные», более тонко описывающие изучаемые феномены, нежели количественные данные. В то же время они нередко критикуются сторонниками количественных исследований как «слишком субъективные», так как плохо поддаются стандартизации и часто невоспроизводимы.

Многие исследователи подчеркивают, что качественные данные не ограничиваются словами и текстом, но включают в себя весьма богатый спектр культурных и социальных артефактов: изображения, фотографии, звуко- и видеоряды, дизайн, предметы культуры и быта, медиа-средства, музыка и пр. (Tesch, 1990; Dey, 1993). Мы полагаем, что в этом утверждении смешиваются два разных понятия: понятие *данных исследования* как формы, в которую исследователь переводит регистрируемые феномены, и понятие исходного *материала исследования* как той исходной формы, в которой эти феномены даны (на-

блюдаемое поведение, текст, картинки, фото, видео и пр.). Очевидно, что и исследователи-качественники, и исследователи-количественники в равной мере могут работать с наблюдаемым поведением, текстом, изображениями, фото и видео. Очевидно и то, что весь этот материал может в равной мере переводиться как в качественные, так и в количественные данные. Именно поэтому мы считаем более оправданным понимать под качественными данными то, что выражается в словах и высказываниях на естественном языке, а под количественными — то, что выражается в числах и цифрах.

Интересно, что Р. Тэш вообще считает название «качественные данные» не вполне удачным, так как в работе оно не дает забыть нам, что мы находимся в оппозиции к чему-то — а именно к количественным данным и традиции количественных исследований (Tesch, 1990). Еще один недостаток данного названия — в том, что понятие «качественного» нередко навеивает совершенно ложные и сторонние ассоциации. По мнению Р. Тэш, более подходящим было бы называть соответствующие данные *текстуальными*, а тип исследования, основанный на них — *описательным* или *интерпретативно-критическим* (там же).

В свете всего сказанного заметим, что неправомерно жестко противопоставлять качественные и количественные исследования на основе типа данных, с которым работают исследователи. Исследователи-качественники также подчас используют числа, пусть и в гораздо меньшем объеме. Допускается использование в качественных исследованиях и нестрогих форм измерений — номинальных и порядковых шкал (Квале, 2003). В свою очередь любое количественное исследование предполагает «качественную» часть — описание и интерпретацию поведения человека, его реплик, стиля его взаимодействия со своим окружением и исследователем, без какой-либо количественной оценки или измерения. В психологии традиционно многие количественные исследования совмещались с использованием открытых вопросов в опросниках и интервью. В отдельных же науках дилеммы «или—или» как таковой вообще не возникало. В частности, антропология с самого своего возникновения была дескриптивной наукой и потому в значительной мере избежала споров вокруг проблемы «качественное—количественное» (Tesch, 1990).

Качественные исследования как подход и эпистемология

Несмотря на обоснованность трактовки качественных исследований как использующих преимущественно слова (а не числа) в качестве данных и средств анализа, большинство авторов сегодня рассмат-

ривают их как нечто большее, чем просто разновидность эмпирических исследований. В последние десятилетия за понятием качественного исследования устойчиво закрепилось значение определенного *подхода* или даже *эпистемологии* исследования. В таком понимании противопоставление качественных исследований количественным имеет гораздо более принципиальные основания.

Качественный подход основывается на множестве относительно новых методологических и этических принципов¹. Среди них мы бы выделили: 1) предпочтение полевой формы работы; 2) обращение к социальному контексту; 3) стремление к богатству и холизму описания; 4) интерес к единичным случаям; 5) индуктивный подход к данным; 6) гибкость и отсутствие жесткой стандартизации; 7) трактовка исследуемого человека как эксперта; 8) повышенное внимание к языку; 9) ориентация на изучение смыслов и переживаний; 10) опора на рефлексивность исследователя.

Предпочтение полевой формы работы. Это одна из главных особенностей качественных исследований: фокусирование на *повседневных феноменах в их естественной обстановке*, что предполагает интенсивный длительный *контакт с «полем»*, или живой ситуацией. Значительную часть исследований, выполненных в рамках данной методологии, составляют исследования, основанные на реальном вхождении исследователя в изучаемые социальные группы, сообщества, культуры; на жизни и осуществлении с их представителями совместной деятельности с использованием включенного наблюдения, бесед, эмпатического понимания. Сторонники качественных исследований полагают, что самое интересное, глубокое и достоверное — это спонтанное поведение человека, а самое надежное и валидное — то, что получено в поле «из первых рук». В некоторых областях социальных наук термин «качественное исследование» используется почти как синоним понятия «этнография». Сам факт, что качественные данные собираются обычно в течение длительного периода пребывания «в поле», придает подобным исследованиям очевидно большую надежность, чем разного рода одноразовые «моментальные» срезы, которые преобладают сегодня в психологии и других социальных науках.

Обращение к социальному контексту. Привлечение и углубленный анализ социального, культурного, исторического, идеологического, политического *контекстов*, а также коммуникативного контекста вза-

¹ В данном случае мы обобщаем многочисленные классификации, определения и характеристики качественных исследований, выделяемые в западной литературе.

имодействия исследователя с исследуемыми людьми — другая важнейшая черта качественных исследований. Изучаемые феномены анализируются в широком контексте своего проявления. Так, психологические феномены рассматриваются сторонниками данной методологии с учетом особенностей сообщества людей, которым он присущ, их языка, коммуникативных и широких культурных практик, их образа жизни, истории, форм распределения власти в обществе и т.д. Показательно, что некоторые исследователи-качественники идут настолько далеко, что вообще отказываются признавать какие-либо фундаментальные и универсальные «законы» и «структуры» психики и личности, которые существовали бы вне социального контекста.

Стремление к богатству и холизму описания. Понятие плотного, или *насыщенного, описания* (thick description), введенное известным этнографом К. Гирцем при анализе различных культур, сегодня стало одним из центральных понятий качественной методологии. Оно означает стремление к получению максимально богатых, детальных, многосторонних, систематических, холистических описаний изучаемого феномена. В получении насыщенных описаний также видится еще один способ разрешения проблемы валидности и надежности качественных исследований.

Интерес к единичным случаям. Акцент на изучении *исключительных феноменов и специфических случаев* также является визитной карточкой качественных исследований. Можно сказать, в этом состоит их суть: качественные исследования подчеркивают то, что может быть упущено при статистическом обобщении. Место статистической репрезентативности в качественных исследованиях занимает *типическая*, то есть устанавливающая некие типы: идеальные, крайние типы, прототипы, характерные типы (именно поэтому выборка обычно не является случайной) (Belzen, Hood, 2006). Многие из подобного рода исследований не претендуют на то, чтобы представлять нечто характерное для всех представителей той или иной популяции (мужчин, женщин, подростков, учителей, военных, футбольных фанатов и т.д.). Они выполняют эвристическую функцию (Eisner, 2003). Они служат для более глубокого и широкого понимания изучаемого феномена, его границ и возможных вариаций². В этом смысле они близки идиогра-

² Например, исследование случая С.В. Шершевского (Лурия, 1979) явно не говорит нам об особенностях, характерных для какой-то популяции людей, но в то же время дает нам очень много для понимания механизмов и возможностей памяти человека.

фическому типу исследования. По типу «кейс-стади» в качественных исследованиях пишутся и отчеты.

Индуктивный подход к данным. «Заземление» и фундирование теорий — еще одна характерная черта обсуждаемой методологии. Большинство ее сторонников критически относятся к распространенному в науке гипотетико-дедуктивному подходу к порождению знания и склоняются к использованию *индуктивного подхода*. Это предполагает то, что сбор и анализ эмпирических данных происходит вне каких-либо заранее сформулированных обобщений, теорий, гипотез. Качественные исследования обычно заканчивают, а не начинают гипотезами и теориями. Именно поэтому их нередко представляют как лучший способ предварительного изучения чего-либо, открытия, разведки новых областей, разработки теории и гипотез об изучаемом явлении.

Гибкость и отсутствие жесткой стандартизации. Относительно слабая стандартизуемость инструментария, традиционно считающаяся в науке скорее недостатком, чем достоинством, в качественных исследованиях признается естественной и даже предпочитаемой альтернативой, сознательным методологическим ходом. Отсутствие жесткой стандартизации позволяет оставаться более восприимчивым к реальности и свободным по отношению к тем процедурам и способам работы с данными, которые мы используем. В качественных исследованиях сам исследователь признается главным «измерительным прибором». В полевой работе исследователь использует свои глаза и уши, чтобы сделать заметки в неструктурированном виде, осмысляет их и переводит их в форму нарратива (*Tesch*, 1990. Р. 44). Как пишут И. Линкольн и И. Губа: «Нет оснований не верить в то, что люди не могут приблизиться к тому же уровню кредита доверия, что и обычные стандартизованные тесты» (*Lincoln, Guba*, 1985. Р. 195). Трактовка исследователя как *инструмента исследования*, гибкость решений и опора на нежесткий дизайн исследования — еще одна важная черта этой методологии.

Трактовка исследуемого человека как эксперта. Сторонники данной методологии рассматривают исследуемых людей скорее как *экспертов* (своей жизни и переживаний, своей культуры и сообщества, специфики использования некоторого дискурса, и т.д.), нежели как наивных и пассивных испытуемых или подопытных. Такая установка означает скорее обучение у исследуемых людей, нежели просто использование их как поставщиков материала для «научного анализа». Исследователи-качественники исходят из того, что люди, которые имеют непосредственный жизненный опыт относительно изучаемо-

го феномена, знают о нем больше и понимают его лучше, чем сами исследователи. С этим связана и одна из процедур, которая иногда используется в качественных исследованиях с целью верификации данных и придания им большей надежности: обсуждение с исследуемыми людьми полученных результатов и выводов с целью внесения в них каких-то поправок, уточнений, дополнений.

Повышенное внимание к языку. Мы уже говорили, что исследователи-качественники работают преимущественно с языком (речью, текстом, коммуникативными единицами, дискурсом, нарративами). Качественный анализ основан на различных техниках группировки, кластеризации слов и высказываний, разбиении текста на семиотические сегменты и паттерны, которые в конце концов сравниваются, противопоставляются и осмысляются. Можно выделить несколько особенностей трактовки языка в качественных исследованиях. Во-первых, *натуральный, естественный язык* рассматривается как средство, которое наиболее аутентично представляет психологическую реальность человеческого переживания. Во-вторых, при описании и анализе в гораздо большей мере, чем принято, используется *повседневный язык*, позволяющий более чутко, понятно, жизненно и естественно описать феномен, нежели язык академической психологии. Допускается и приветствуется выразительный и экспрессивный язык даже написания конечных отчетов (см. *Creswell*, 1998). В-третьих, исследователи-качественники как при анализе, так и при написании отчетов стремятся сохранить (насколько это возможно, оправданно и эвристично) исходный, *оригинальный язык* исследуемых людей, их способ описания, выражения, аутентичные формы категоризации (что особенно важно во всякого рода этнографических исследованиях).

Ориентация на изучение смыслов и переживаний. Качественные исследования с их неуклонным стремлением к прояснению позиции другого, предпочтением прямого диалога, вниманием к тексту и языку, учетом контекстов, не без оснований считают одним из наиболее полноценных и надежных способов изучения *смыслов*, которые люди придают предметам и событиям собственной жизни, и *переживаний*, связанных с ними. В частности, феноменологическая стратегия качественного исследования имеет своей целью реконструкцию структуры переживания и прояснение тех приватных смыслов, которые имеют для человека предметы, ситуации, события или какие-то аспекты собственной жизнедеятельности (*Улановский*, 2007). Качественные исследования предлагают переопределение человека как интенционального и смыслообразующего субъекта, что предполагает вопросы

о его желаниях, надеждах, опасениях и страстях (Marecek, 2003). Кроме того, сторонники качественной методологии критикуют склонность большинства психологов игнорировать эстетическое измерение человеческого переживания и придают огромное значение изучению этого измерения.

Опора на рефлексивность исследователя. Открытое обращение исследователя к собственной *субъективности* и *рефлексии* своих наблюдений, переживаний, личного опыта, языка, знаний, допущений, исследовательской позиции, этнической, культурной и половой принадлежности — является сегодня неотъемлемым компонентом любого качественного исследования. Традиционно в социальных науках личность исследователя рассматривалась как то, что должно быть минимизированным, стандартизованным и контролируемым, а нормы написания научных статей призывали исследователя к отказу от собственной субъективности и индивидуальных аспектов своего опыта (см. Улановский, 2006). Сторонники качественной методологии считают, что без привлечения рефлексивности исследователя в отчете невозможно обеспечить по-настоящему валидное и экологичное социальное исследование. Кроме того, собственные субъективные переживания и рефлексивные самоотчеты исследователя могут быть весьма ценным, а иногда и единственным источником знания о некотором изучаемом феномене (как, например, при этнографическом изучении социальных и психологических практик какой-то культуры или субкультуры, опыта измененных состояний сознания, и пр.).

Опираясь на перечисленные особенности, дадим наиболее исчерпывающее определение. *Качественное исследование* — это комплексное исследование, основанное на полевой форме работы, предполагающее сбор подробных описаний переживаний и смыслов человека, обработку данных с помощью специальных процедур анализа текста, интерпретацию их с учетом социокультурного контекста, отсутствие жесткой стандартизации, внимание к единичным случаям, опору на точку зрения исследуемых людей и рефлексивность самого исследователя.

Соотношение качественного и количественного подходов

Качественный подход, как мы его описали выше, имеет ряд заметных отличий от подхода к исследованию, который получил наибольшее распространение в социальных науках и который последнее время называют «количественным». Различные авторы акцентируют разные стороны при определении отличий обоих. Довольно емкое и свободное от идеологических пристрастий определение дает, напри-

мер, К. Рейджин. С его точки зрения, ключевое различие состоит в том, что сторонники количественной методологии работают с несколькими переменными и множеством случаев, тогда как сторонники качественной методологии основываются на *нескольких случаях* и *множестве переменных* (Ragin, 1987).

Более остро и развернуто различия этих подходов формулируют К. Глесне и А. Пешкин в своей книге «Становление качественными исследователями». С их позиции:

- количественные исследования исходят из *допущения* объективной реальности социальных фактов, главенства метода, допущения, что переменные могут быть распознаны, а отношения между ними измерены, тогда как качественные исследования опираются на допущение о социальном конструировании реальности, главенстве предмета исследования, допущения, что переменные являются комплексными, сплетенными и сложными для измерения;

- количественные исследования преследуют *цель* обобщения, предсказания и причинного объяснения, тогда как качественные — контекстуализации, интерпретации и понимания взгляда на мир действующих лиц;

- с точки зрения самого *подхода*, в количественных исследованиях принято начинать с гипотез и теорий, использовать манипуляцию и контроль, формальные инструменты, экспериментирование, дедукцию, компонентный анализ, стремиться к единогласию и норме, обращаться к редукции данных к числовым индексам, использовать абстрактный язык написания отчетов;

- в качественных исследованиях принято заканчивать гипотезами и эмпирически «заземленными» теориями (grounded theories), опираться на спонтанное проявление феномена и его изображение, трактовать исследователя как основной инструмент, использовать натуралистическое исследование, индукцию, анализ паттернов, стремиться к плюрализму и комплексности, делать второстепенными числовые индексы, писать описательные отчеты;

- наконец, с точки зрения *роли исследователя*, количественные исследования предполагают отстраненность, беспристрастность, позицию постороннего лица и объективное изображение, тогда как качественные — личную вовлеченность, участие, взгляд человека, смотрящего «изнутри» и эмпатическое понимание (Glesne, Peshkin, 1992).

Как видно, смешение количественного и качественного подхода в исследованиях является не таким уж простым делом. Эти подходы имеют различные эпистемологические основания и могут приводить

к противоречивым выводам. И все же, как отмечают многие авторы, совмещение в рамках одного исследования качественных и количественных методов может быть оправдано тем, что, даже когда они дают несопоставимые результаты, они очевидным образом обогащают наше понимание человеческого поведения. Затрагивая различные стороны одних и тех же феноменов, эти два методологических подхода создают более законченную историю (Marecek, 2003). Значительная часть приверженцев качественной методологии сторонится сегодня антиколичественной позиции (которая по-прежнему характерна для рьяных приверженцев идеи строго гуманитарной методологии познания) и признает возможность комбинирования качественной и количественной методологий с необходимой долей ответственности. В этой связи в методологии социальных наук появилось сегодня понятие *смешанных методов исследования* (mixed methods research), совмещающих количественные и качественные техники и стратегии (Yoshikawa, Weisner, Kalil, Way, 2008).

Наконец, еще одна из тенденций, объединяющих оба этих подхода — все большее применение компьютерных программ обработки и анализа данных. В качественных исследованиях сегодня получает все большее распространение использование специальных программ обработки и анализа качественных данных (ATLAS.ti, Transana, Folio VIEWS, NUD-IST и др.) — как вспомогательных средств поиска, организации, индексации, сортировки и создания групп текстовых данных (комбинаций слов, фраз, сегментов текста и т.д.). Как полагает Я. Дей, комбинирование качественных и количественных методов будет поддерживаться ростом роли компьютеров в качественном анализе. Инновации в области программного обеспечения будут стимулировать развитие более гибкого и прагматичного подхода к качественным исследованиям, относительно свободным от идеологических и эпистемологических предубеждений и пристрастий, доминирующим в ранних дискуссиях (Dey, 1993).

Классификация качественных исследований

Современная область качественных исследований представляет собой крайне разветвленное дерево направлений, стратегий и методов. Не существует единой, общепринятой их классификации. Различные авторы выделяют различное их число, различные виды, по-разному их подразделяют и представляют (см.: Tesch, 1990; Denzin, Lincoln, 2000; Creswell, 1998; Banister, Burman, Parker et al., 1994; Smith, 2003; Moustakas, 1994; и др.). Совокупный список качественных ме-

тодов насчитывает десятки наименований. К категории «качественных» относят: исследование индивидуального случая (кейс-стади), биографическое исследование, историю жизни, феноменологический, герменевтический метод, этнометодологию, этнографию, феноменологию, «обоснованную теорию», метод фокус-групп, метод Дельфи (метод экспертных оценок), структурный анализ событий, качественный контент-анализ, дискурс-анализ, анализ разговоров, нарративный анализ, феминистское, диалогическое, культуральное исследование, эвристическое исследование, исследование действием, клиническое исследование и др. Н. Дензин и И. Линкольн указывают на то, что «никогда еще не было так много парадигм, стратегий исследования и методов анализа данных, которые исследователь мог бы взять на вооружение и применять на практике» (Denzin, Lincoln, 2000. P. 18).

Для того чтобы внести большую ясность и определенность в это поле, мы будем говорить в отношении различных феноменологических, дискурсивных, нарративных, этнографических, феминистских и других исследований не о собственно «методах», а об общих *стратегиях, или типах, качественного исследования* (как это делается в отдельных работах: Denzin, Lincoln, 2000; Tesch, 1990). Набор же собственно *методов* одинаков для всех качественных исследований и сводится к четырем основным: наблюдению, интервью, анализу документации и анализу аудиовизуальных материалов. Эти методы лишь по-разному используются в перечисленных стратегиях исследования: они получают свою концептуальную рамку, имеют свой фокус интереса, понятийный аппарат и некоторую специфику анализа данных. Именно поэтому мы будем говорить, например, не о «феноменологическом методе» исследования (как это делают многие авторы), но о «феноменологической стратегии», или просто «феноменологическом исследовании».

Задавая иерархически упорядоченную схему анализа, мы будем говорить о своеобразных уровнях качественной методологии (см. таблицу 1):

1) *теории качественного исследования* — теории, направления, традиции, к которым исторически восходит появление того или иного вида исследования и которые выступают для него в качестве концептуального обоснования;

2) *стратегии, или типы, качественного исследования* — дизайн, принципы и общая форма проведения исследования;

3) *методы качественного исследования* — в строгом смысле методы качественного психологического исследования, способы получения психологических знаний;

4) *процедуры качественного исследования* — конкретные способы сбора и анализа данных.

Таблица 1. Уровни качественной методологии

Уровни качественной методологии	Примеры
Теории	Феноменология, герменевтика, символический интеракционизм, этнометодология, культурная антропология, ритуальные теории драмы и культуры, постмодернизм, социальный конструкционизм, нарратология, феминистская теория познания и др.
Стратегии, или типы, исследования	Феноменологическое, биографическое, нарративное, этнографическое, культуральное исследование, «обоснованная теория», дискурс-анализ и пр.
Методы	Наблюдение, интервью, анализ документации, анализ аудиовизуальных материалов
Процедуры	Кодирование, категоризация, кластеризация и др.

Стратегии качественного исследования

Можно выделить несколько стратегий, признаваемых большинством сторонников качественных исследований и имеющих свою традицию использования в социальных науках и психологии. Дж. Кресвелл (Creswell, 1998) выделяет пять таких стратегий. Дополняя его список, мы отнесли бы к этой группе: *феноменологическое, биографическое, этнографическое исследование, «обоснованную теорию», исследование индивидуального случая и дискурс-анализ*. Исторически каждая из этих стратегий, появившись в одной науке, переключивалась затем в смежные науки и области знаний. Добавим, что в литературе можно встретить различные названия для перечисленных стратегий. Так, Р. Тэш называет их *разновидностями и типами* качественного исследования (Tesch, 1990), Дж. Кресвелл — *традициями* качественного исследования (Creswell, 1998), К. Мустакас же вообще говорит в данном случае о *моделях гуманитарного исследования* (Moustakas, 1994).

Важно заметить, что отдельные исследования бывает сложно однозначно идентифицировать с какой-то конкретной стратегией, так как изучение переживаний (феноменологическое исследование) мо-

жет быть тесно переплетено или быть частью исследования жизненной истории (биографическое исследование), образа жизни сообщества (этнографическое исследование), конкретной личности (исследование индивидуального случая). Отчасти из-за этой сложности, а также нежелания связывать себя с каким-то специальным подходом в науке, сегодня многие обобщенно называют свою работу «качественным исследованием» чего-либо. С другой стороны, бывает и обратное: когда несмотря на отсутствие отличительных признаков, исследование явно тяготеет к одному из перечисленных типов (феноменологическому, биографическому, этнографическому и т.д.). Наконец, некоторые авторы не видят никаких проблем в смешивании стратегий и их элементов: например, в использовании аппарата «обоснованной теории» для анализа данных этнографического исследования или нарративного анализа в феноменологическом исследовании. Охарактеризуем теперь каждую из перечисленных стратегий.

Феноменологическое исследование

Феноменологическое исследование ориентировано на получение ясных, точных и систематичных описаний тех или иных аспектов переживания человека. Оно представляет собой стратегию сбора и анализа данных о феноменологическом составе переживания и смысле, который имеет для человека определенный предмет, ситуация, событие или какой-то аспект собственной жизнедеятельности. Впервые в таком виде феноменологическое исследование предстало в психологии в работах А. ван Каама, а позднее было подробно описано, развито и обосновано А. Джорджи, П. Колайци, В. и К. Фишер, Р. фон Экартсбергом, Д. Полкинхорном, К. Мустакасом, Дж. Смит и другими (см. Улановский, 2007). Методологической основой этой стратегии выступает феноменологическая философия (Гуссерль, Шелер, Мерло-Понти и др.), социология (Шюц), психиатрия (Ясперс, Бинсвангер, Минковски и др.) и собственно психология (Джорджи, Ван Каам, Колайци и др.). Отличие этого вида исследования от одноименного метода, который применяется в философии — в использовании испытуемых в качестве источника получения данных. Наиболее аутентичными методами считаются полуструктурированные феноменологические интервью и различные субъективные самоотчеты о пережитом опыте (*там же*).

Биографическое исследование

Качественное биографическое исследование ориентировано на изучение биографии или жизненной истории человека. В рамках этого типа исследования можно выделить два различных подхода: 1) классический биографический подход, в котором задачей является мак-

симально реалистичная реконструкция жизненного пути человека, его различных этапов и событий, самоощущения и мировосприятия человека в различные периоды жизни, в опоре на различные документированные факты его биографии, и 2) нарративный подход, в котором акцент смещается на изучение жизненной истории человека, на те способы, которыми человек конструирует собственную биографию и идентичность (ключевые темы, жизненные метафоры, преобладающий стиль нарратива и т.д.). В отличие от биографов, сторонников нарративного подхода могут не интересовать вопросы «правдивости» рассказываемых историй. Среди его представителей — Т. Сарбин, Дж. Брунер, Д. Полкингорн, Д. Макадамс, Г. Херманс и другие (*Барский, Кутузова, 2005*). Наиболее типичные методы, применяемые в биографических исследованиях — биографические интервью, анализ личных документов и автобиографий.

Этнографическое исследование

Этнографическое исследование ориентировано на полевое изучение образа жизни, групповых отношений, убеждений, практик, повседневной рутины, поведения и идентичности представителей тех или иных сообществ. Оно имеет своей целью описание, анализ и интерпретацию человеческого поведения в контексте той культуры, к которой оно принадлежит (*Wolcott, 1994*). Это предполагает изучение норм и правил, культурных артефактов, мифов, символов, дискурса, преобладающих тем, ритуалов, моделей поведения, видов совместной деятельности, речевой коммуникации, характеризующих данное сообщество. Этнографическое исследование в 20-е годы XX века перекочевало из этнографии в социологию, а затем в социальную психологию. Его методологические основания составляют работы известных представителей культурной антропологии — Боаса, Мид, Бейтсона, Радклифф-Брауна, Малиновски и др. Наиболее используемыми методами выступают включенное полевое наблюдение, анализ бытовых разговоров, письменных свидетельств, культурных артефактов, аудио- и визуальных материалов.

«Обоснованная теория»

«Обоснованная теория» (grounded theory)³ — это стратегия качественного исследования, направленная на концептуализацию неко-

³ Мы используем вариант перевода, который закрепился в отечественной литературе и является наиболее благозвучным, хотя в строгом смысле этот перевод неверен, так как в данном случае речь идет не просто об «обоснованной», но о «фундированной», «заземленной» (grounded), то есть индуктивно выстраиваемой теории. Ср. также перевод В.В. Семенов: «восхождение к теории» (*Семенова, 1998*).

торого феномена, порождение теории. Эта стратегия позволяет структурировать, теоретически обобщать и связывать воедино имеющиеся данные об изучаемом явлении по специально разработанной схеме анализа. Она включает в себя три последовательные процедуры кодирования — открытого, осевого и избирательного (*Страусс, Корбин, 2001*). Первая предполагает поиск и выделение в тексте категорий и субкатегорий; вторая — сортировку и оценку их по рубрикам: феномен, каузальные условия, контекст, промежуточные условия, стратегии действия, следствия; третья процедура заключается в установлении связей между категориями и их валидации. Метод «обоснованной теории» был предложен и разработан социологами Б. Глезером и А. Страуссом. Данная стратегия используется для работы с любыми текстовыми описаниями — будь то полевые записки, расшифровки интервью или документы.

Исследование индивидуального случая

Исследование индивидуального (единичного) случая, или кейс-стади⁴, направлено на интенсивное, глубокое и детальное изучение какого-то отдельно взятого случая. Под «случаем» понимаются какие-либо конкретные, ограниченные во времени и месте системы — личности, чьи-либо действия, процессы, события, инциденты, социальные практики и программы (*Creswell, 1998*). Результаты исследования имеют форму «извлеченных уроков», которые предоставляет анализируемый случай (*Lincoln, Guba, 1985*). Существуют несколько разновидностей этого метода. Фокус исследования может быть сосредоточен как на самом случае — и тогда говорят об «исследовании существенного случая», так и на какой-то проблеме — тогда случай используется инструментально, для иллюстрации проблемы, и тогда говорят, соответственно, об «инструментальном исследовании случая». Кроме того, анализироваться могут как один, так и несколько схожих случаев (обычно не больше 4-х) — тогда говорят о единичном или коллективном кейс-стади. Изучение индивидуального случая издавна применяется в психологии (начиная с Фрейда), психиатрии и медицине (анализ случаев болезни), юриспруденции и судебной практике (случаи судебных разбирательств), политологии (прецеденты официальных заявлений), HR-менеджменте (случаи из практики управления персоналом).

⁴ От англ. case study — «исследование случая». В русскоязычных переводах используется и название «исследования индивидуального случая», и калька «кейс-стади». Мы сохраняем в данной работе оба способа перевода.

Дискурс-анализ

Дискурс-анализ ориентирован на исследование текстов в ситуации взаимодействия (коммуникации) между людьми. Эта стратегия применяется для изучения способов формирования и изменения идентичности человека, его позиций, аргументации, поведения и социального взаимодействия в процессе использования тех или иных культурных, религиозных, политических, профессиональных и прочих дискурсов (Филлипс, Йоргенсен, 2004). Дискурс в общем смысле — это относительно устойчивая система значений, используемая некоторым сообществом для интерпретации событий. Изучение дискурса предполагает детальный анализ всевозможных прагматических, социолингвистических, идеологических составляющих разговора людей — пауз, голоса, интонации, задержек в ответах, поправок себя, стилистических и грамматических особенностей речи (Potter, 2003). Для получения данных в дискурс-анализе предпочтение отдается естественным материалам: аудио-, теле- и видеозаписям повседневного общения людей, газетным статьям и пр. Дискурс-анализ опирается на положения дискурсивной психологии (Поттер, Уэзерелл, Эдвардс), постструктуралистские теории дискурса (Фуко, Лакан), социально-конструкционистские идеи (Герген, Биллиг и др.). В психологию он пришел из лингвистики и имеет тесные связи с методами риторического анализа и анализа разговоров.

Итак, суммируя, можно достаточно просто сформулировать один из основных посылов методологии качественных исследований: не исследование должно подстраиваться под требования методологии, а скорее последняя должна удовлетворять требованиям конкретных исследовательских задач. Как пишут М. Майлз и А. Губерман: «Для нас кажется очевидным то, что исследование является в большей мере ремеслом, нежели рабским соблюдением методологических правил. Не существует исследования, строго приспособляющегося к стандартам методологии; каждое из них требует от исследователя подстройки методологии к особенностям обстановки» (Miles, Huberman, 1994. P. 5). В данной статье мы стремились сформулировать отличительные черты качественных исследований как методологии, сосредотачивающей свое внимание на работе со словами (текстом, дискурсом, нарративом), и как подхода, придающего решающее значение полевой работе, сбору подробных описаний, переживаниям и смыслам людей, социальному контексту и индивидуальным случаям, гибким исследовательским стратегиям и процедурам, точке зрения исследуемых и

рефлексии исследователя. Возникнув как широкое реформистское движение, качественные исследования постепенно перестают быть чем-то альтернативным, все больше интегрируясь в «мэйнстрим» социальных наук. Это придает особую важность анализу как самой качественной методологии, так и подходов, на которые она опирается: феноменологии, этнометодологии, нарратологии, социального конструкционизма, дискурс-анализа и других.

Литература

- Барский Ф. И., Кутузова Д. А. Представление об идентичности в рамках нарративного подхода // Мир психологии. № 2 (38). 2004. С. 67—77.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
- Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 1979. С. 193—207.
- Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Улановский А. М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. № 3. 2006. С. 27—37.
- Улановский А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130—150.
- Филлипс Л., Йоргенсен М. В., Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.
- Banister P., Burman E., Parker I., Taylor M., Tindall C. Qualitative methods in psychology: A Research guide. Buckingham (Ph): Open University Press, 1994.
- Belzen J., Hood R. Methodological Issues in the Psychology of Religion: Toward Another Paradigm? // The Journal of Psychology. 2006. 140(1). P. 5—28.
- Bliss J., Monk M., Ogborn J. Qualitative data analysis: A guide to uses of systematic networks. London: Croom helm, 1983.
- Creswell J. W. Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions. Thousand Oaks (CA): Sage, 1998.
- Denzin N. K., Lincoln Y. S. Introduction: The discipline and practice of qualitative research // The handbook of qualitative research. 2nd ed. / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks (CA): Sage. 2000. P. 1—28.
- Dey I. Qualitative data analysis. London; New York: Routledge, 1996.

- Eisner E.W.* On the Art and Science of Qualitative Research in Psychology // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design / Ed. by Camic P.M. et al. Washington (DC), 2003. P. 17—30.
- Giorgi A.* The Descriptive Phenomenological Psychological Method // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design / Ed. by Camic P.M. et al. Washington (DC), 2003. P. 243—273.
- Glesne C., Peshkin A.* Becoming qualitative researchers: An introduction. White Plains (NY): Longman, 1992.
- Jones S.* The analysis of depth interviews // Applied qualitative research / R. Walker (Ed.). L.: Gover, 1985.
- Lincoln Y.S. Guba E.G.* Naturalistic inquiry. Beverly Hills (CA): Sage, 1985.
- Lincoln Y.S. Guba E.G.* Paradigmatic controversies, contradictions, and emerging confluences // The handbook of qualitative research. Second edition / Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks (CA): Sage, 2000. P. 163—188.
- Marecek J.* Dancing through minefields: Toward a qualitative stance in psychology // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design / Ed. by Camic P.M. et al. Washington (DC), 2003. P. 49—70.
- Miles M.B., Huberman A.M.* Qualitative data analysis: an expanded sourcebook. 2nd ed. Thousand Oaks (CA): Sage, 1994.
- Mishler E.G.* Research interviewing — Context and narrative. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1986.
- Moustakas C.* Phenomenological research methods. Thousand Oaks (CA): Sage, 1994.
- Patton M.* Qualitative Evaluation Methods. London: Sage, 1980.
- Potter J.* Discourse Analysis and Discursive Psychology // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design / Ed. by Camic P.M. et al. Washington (DC), 2003. P. 73—94.
- Ragin C.C.* The Comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Smith J.* Qualitative psychology: A practical guide to research methods. Thousand Oaks (CA): Sage, 2003.
- Tesch R.* Qualitative research: Analysis types and Software tools. New York: The Falmer Press, 1990.
- Wolcott H.F.* Transforming qualitative data: Description, analysis, and interpretation. Thousand Oaks (CA): Sage, 1994.
- Yoshikawa H, Weisner T., Kalil A., Way N.* Mixing qualitative and quantitative research in developmental science: uses and methodological choices // Developmental psychology. № 2. 2008. V. 44. P. 344—354.

2.6. КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ: МЕТОДОЛОГИЯ, ОРГАНИЗАЦИЯ, ОБРАЗЦЫ

Кросс-культурный анализ — методологический подход в области социальных и гуманитарных наук, заключающийся в сопоставительном анализе феноменов культуры, группового и индивидуального поведения и сознания в разных этнокультурных группах. Кросс-культурный анализ — все шире распространяющаяся форма изучения влияния культурного контекста, применяющаяся в культурологии, психологии, социологии, лингвистике и изучениях коммуникации, социальной и культурной антропологии. Развитие кросс-культурных исследований связано с ускоряющимися процессами глобализации и повышением интенсивности и широты межкультурных связей. С их ростом такие исследования становятся все более востребованными, с одной стороны, и доступными для проведения — с другой. Выводы кросс-культурной психологии касаются описания и объяснения особенностей людей, коммуникативных стилей, институтов, сообществ, норм, ценностей и других феноменов, принадлежащих к определенной культуре. Прикладное значение кросс-культурного анализа для целей сравнения культур между собой трудно переоценить, однако он имеет важное методологическое значение для всех областей социальных и гуманитарных наук, так как позволяет изучать степень культурной детерминированности предмета исследования.

Методология кросс-культурного анализа носит междисциплинарный характер, и основные цели и проблемы такого анализа относительно изолированно обсуждаются в локальных научных сообществах. К примеру, журналы, посвященные кросс-культурной социологии, кросс-культурной психологии в современной американской практике, издаются соответствующими отделами профессиональных объединений социологов и психологов. Однако междисциплинарных научных журналов, посвященных кросс-культурному анализу как самостоятельной методологии, на сегодня нет. История развития кросс-культурного анализа к настоящему моменту скорее складывается из ряда относительно изолированных принципиальных дискуссий в социологии, культурологии, лингвистике, психологии и ряда этнологических дисциплин; также она объединяется наиболее масштабными международными исследованиями, некоторые из них рассмотрены ниже.

2.7. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ

Социальный конструкционизм (social constructionism) — направление в социальных науках, признающее первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании ими мира и собственного Я, необходимость отказа от представления о всеобщих абсолютных истинах, эталонах поведения и психологических процессах, рассматривающее последние в привязке к культуре и истории конкретных сообществ, призывающее к многоголосию и взаимообогащению различных дискурсов (языков и способов интерпретации мира), демократизации и социальному преобразованию сознания людей.

Родоначальниками этого направления являются К. Герген (Джерджен), Р. Харре, Дж. Шоттер. Родственными этому направлению выступают: дискурсивная психология Дж. Поттера и М. Уэзерелл, нарративная психология Т. Сарбина и позднего Дж. Брунера, теория диалогического Я Г. Херманса. Помимо идей постмодернизма и постструктурализма сторонники данного направления опираются на нарратологию, герменевтику, философию диалога, теорию речевых актов, литературоведение (идеи Ф. Ницше, Л. Витгенштейна, М. Фуко, М.М. Бахтина и др.). Социальный конструкционизм возник в рамках социальной психологии в конце 70-х гг. XX в.

«**Парадигма конструктивизма**». Иногда социальный конструкционизм объединяют вместе с конструктивизмом и радикальным конструктивизмом под одним названием «парадигма конструктивизма», или «конструктивистская эпистемология». Несмотря на допустимость такого объединения при сопоставлении парадигм социальных наук (позитивизм, постпозитивизм, конструктивизм и др.), следует отличать эти три направления при обсуждении более узких вопросов (Улановский, 2009).

Конструктивизм — это разнородная группа теорий, созданных в психологии, социологии, философии, подчеркивающих идею не-отражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно-историческую обусловленность сознания, опосредованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины. К данному направлению относят: генетическую эпистемоло-

гию Ж. Пиаже, личностный конструктивизм Дж. Келли, теорию категоризации Дж. Брунера, феноменологическую социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана, теорию социальных систем Н. Лумана. В качестве теорий, близких конструктивизму и в некотором роде предвосхитивших его, называют феноменологическую социологию А. Шюца, символический интеракционизм Дж. Мида, а также культурно-историческую психологию Л.С. Выготского. Данное направление появилось и получило свое развитие в 50—60-е гг. XX в. преимущественно в психологии и социологии.

Радикальный конструктивизм — это эпистемологическая позиция, основанная на идеях конструирования воспринимаемого мира живой системой, информационной замкнутости и самореферентности когнитивных систем (способности к самоописанию и замкнутости на самих себе), принципе пригодности и жизнеспособности знания, неотделимости наблюдателя от наблюдаемого, идее автопоэза (способности системы к производству и поддержанию своего порядка благодаря собственной активности). Данную группу теорий образуют: коммуникационный конструктивизм П. Ватцлавика, радикальный конструктивизм Э. фон Глазерсфельда, эпистемология замкнутости Х. фон Ферстера, теория автопоэтических структур У. Матураны и Ф. Варелы, нейробиологический конструктивизм Г. Рота. В обосновании своей позиции сторонники радикального конструктивизма обращаются не только к психологии и антропологии, но и к таким современным теориям и дисциплинам, как кибернетика, нейробиология, теориям коммуникации, теориям систем и самоорганизации (идеи Н. Винера, Р. Эшби, Г. Бейтсона и др.). Время рождения этого направления приходится примерно на середину 70-х гг. XX в.

Социальный конструкционизм находится в оппозиции к традиционной для западной философии и когнитивной науки трактовке знания как продукта восприятия и рационального мышления познающего субъекта. Именно в этом месте социальные конструкционисты расходятся с представителями конструктивизма и радикального конструктивизма. Мы конструируем мир не индивидуально в своем сознании, а совместно — в разговоре, соглашениях, социальных практиках. Отмечая ценность конструктивистских теорий, социальные конструкционисты критикуют их вместе с другими подходами в психологии за акцентирование роли индивидуального познающего субъекта и индивидуальных конструктов в построении образа мира (а не сообщества и дискурса); некритичное принятие как само собой разумеющегося существования различных психических структур;

признание превосходства одних «конструкций» реальности над другими (Gergen, 1994).

С точки зрения социального конструкционизма, все, что мы считаем существующим, реальным, ценным, красивым, правильным, достойным для научного или духовного постижения, — конструируется посредством языка в отношениях с другими людьми. Различные конструкции мира тесно связаны с внутригрупповым согласием в различных сообществах (этнических, профессиональных, научных, религиозных) по поводу того, что существует и что ценно. Таким образом, ключевыми для социального конструкционизма становятся понятия *сообщества, отношений между людьми, социальных конвенций, языка, дискурса, нарратива, диалога, социальных практик*.

Социально-конструкционистские исследования, по словам К. Гергена, обращены к пониманию способов производства того, что мы считаем объективным знанием, изучению литературных и риторических приемов обоснования, освещению идеологической и ценностной нагруженности того, что считается само собой разумеющимся, определению исторических корней различных форм понимания, исследованию диапазона изменчивости человеческих смыслов в разных культурах (Джерджен, 2003). Подобного рода исследования относят к группе *качественных исследований* — современной быстро развивающейся области методологии психологии и социальных наук. Социальный конструкционизм подвергает ревизии основные понятия эпистемологии и философии социальных наук: *знание, реальность, сущность, истина, объективность*.

Знание. Социальные конструкционисты критикуют позицию *репрезентационизма*, в соответствии с которой наши знания являются формой репрезентации некоторой независимой от нас объективной реальности. Основания наших знаний следует искать не в «объективном мире», а в языке, культуре, социальных отношениях, нормах и конвенциях, принятых в конкретном сообществе. Именно в этом смысле можно говорить о *конструировании* реальности: мы создаем различные конвенциональные социальные реальности, которые руководят нашим поведением, формируют нашу идентичность и на которых стоят все институты нашей общественной жизни — брак, мораль, закон и т.д. Все это предполагает взгляд на знание как на *интерпретацию* — исторически обусловленную, а не безвременную, контекстуально верифицируемую, а не универсально валидную, лингвистически порожденную и социально-конвенциональную, а не просто когнитивно произведенную (Raskin, 2002).

Истина. В соответствии с позицией социального конструкционизма истина принципиально множественна, альтернативна, культурно-исторически локальна, контекстуальна и ситуативна. Это означает, что не существует всеобщих, универсальных «истин» вне отношения к позиции наблюдателя, социальным соглашениям и культурно-историческому контексту. В этом отношении социальный конструкционизм противопоставляет *фундаментализму* и *абсолютизму* в эпистемологии — позиции, в соответствии с которой мы можем обладать конечными, фундаментальными основаниями для наших знаний о социальном и психологическом мире (набором неких универсальных, объективных «истин»). Социальный конструкционизм умеряет свои претензии на безграничную всеобщность, истину вне культуры и истории, факт без интерпретации (Джерджен, 2003). Истина или любое соглашение о том, что является валидным знанием, возникает из отношений между членами определенного заинтересованного сообщества. Социальный конструкционизм исходит из идеи плюрализма истины и множественности возможных интерпретаций, способов поведения и образа жизни.

Объективность. Социальный конструкционизм отвергает понятие «объективного» знания. Наши знания не являются безразличными, аполитичными, лишенными идеологических и ценностных измерений. Не может быть знания вне определенной перспективы рассмотрения объекта познания. Никто не может претендовать на позицию, которую Х. Патнэм называет «видением мира глазом Бога», а Т. Нэйджел называет «взглядом из ниоткуда» — взглядом независимого наблюдателя, лишенного какой-либо точки отсчета и рассмотрения, истинно объективным видением мира. Как пишут И. Линкольн и И. Губа: «Мы убеждены, что объективность является химерой: мифологическим созданием, никогда не существовавшим и сохраняющимся в воображении тех, кто верит, что знание может быть отделенным от познающего» (Lincoln, Guba, 2000. P. 181).

Структура и сущность. Социальный конструкционизм критикует позицию *эссенциализма* — представление о том, что наблюдаемые нами вещи, события или люди обладают какой-то особой внутренней «сутью», или «сущностью» (эссенцией). Он показывает, в частности, слабые места позиции психологического эссенциализма — представления о том, что за тем или иным психологическим понятием, оправданным с точки зрения некоторой теории, эмпирических данных или практической деятельности, должна стоять какая-то особая «психологическая реальность», «структура», «процесс» или «механизм». Сто-

ронники этого направления демонстрируют несостоятельность представления классической философии и многих современных психологических теорий о «внутреннем», «глубинном», «подлинном» Я, присущем каждому человеку. Вместо этого они говорят о множественности Я, образующих в человеке сложную многоголосую структуру, имеющую нарративную и дискурсивную природу, формирующуюся в общении с другими людьми; о Я, сменяющих друг друга во времени в зависимости от социальных контекстов общения. В целом, с позиций социального конструкционизма, многие психологические понятия определяются господствующими метафорами, нарративными культурными конвенциями и могут быть переопределены на языке социального взаимодействия и координации, символически опосредованного взаимодействия между людьми (Gergen, 1994; Harre, 1989).

Язык. Социальный конструкционизм критикует концепцию языка, развитую в логическом позитивизме и логическом атомизме (Карнап, Куайн, Рассел и др.), в которой значения слов и предложений объясняются на основании их отношения к вещам и положениям дел (взгляд на язык как на систему десигнатов). К. Герген называет такую концепцию языка *изобразительной*, в силу того, что язык понимается в ней лишь как средство изображения, репрезентации, обозначения реальности, или *корреспондентной*, так как язык трактуется как средство перевозки, переноса истины (Gergen, 1994). Ей противопоставляется тезис о немиметичности (неподражательности) языка, акцентирующий перформативную, преобразующую, метафорическую функции языка. Как отмечает Дж. Поттер, мир конституируется тем или иным образом в зависимости от того, как люди говорят о нем, пишут или доказывают его (Potter, 1996). В рамках дискурсивной психологии и социального конструкционизма *разговору и письму* уделяется центральное внимание как основополагающей форме конструирования чего-либо.

Критерий «хорошего» знания. Социальный конструкционизм отдает предпочтение практической ценности языка. Опираясь на философию языка Л. Витгенштейна, К. Герген говорит о своеобразном *неопрагматизме*: «Те или иные описания личности принимаются не потому, что они “истинны”, а скорее потому, что как осмысленные интерпретации они предлагают значимые варианты деятельности» (Джерджен, 2003. С. 59). С этой точки зрения, спрашивать нужно не о том, правильно ли или нет мы изображаем реальность, соответствуют ли ей данный способ использования слов (терминов, высказываний), а о том, что мы выигрываем от такого их использования. Социальный

конструкционизм подталкивает к вопросу: что мы *выигрываем* или теряем от нашего способа жизни, который следует из того или иного взгляда? (Gergen, 1994). К. Герген предлагает ученым рассматривать социальную полезность своих теорий и создавать концепции, преследующие конкретные социальные цели.

Проблема жанра письма. В социальных науках по сложившейся исторически традиции «говорить научно» — значит говорить авторитетным, дистанцированным, нейтральным, безличным голосом. Социальные конструкционисты призывают к отказу от этой традиции. Наши «объективные отчеты», как доказывают они, уже содержат нас как исследователей: нашу перспективу рассмотрения, наш язык и дискурс, нашу социальную, культурную, национальную, расовую и половую принадлежность. Социальные конструкционисты считают необходимым делать научные тексты более *личностными и рефлексивными*. Это предполагает, например, использование личного местоимения «я» при написании и возможность включения собственных субъективных переживаний в обсуждении исследуемого феномена. Предпринимаются попытки привлечения новых жанров письма: диалогического, поливокального, автобиографического, беллетристического и даже поэтического — чтобы расширить способы легитимного выражения того или иного содержания (Richardson, 2000). Эти жанры письма допускают использование эмоционально-нагруженной, выразительной речи, повседневного дискурса, метафор и ориентированы на широкую аудиторию.

Литература

- Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.
- Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.
- Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. № 2. 2009. С. 35—45.
- Burr V. Social Constructionism. London: Psychology Press, 2003.
- Gergen K. J. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1994.
- Harre R. Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. № 5. 1989. V. 19. P. 439—453.

Lincoln Y.S. Guba E.G. Paradigmatic controversies, contradictions, and emerging confluences // The handbook of qualitative research. 2 ed. / Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage, 2000. P. 163—188.

Potter J. Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction. London: Sage, 1996.

Raskin J.D. Constructivism in psychology: Personal construct psychology, radical constructivism, and social constructionism // Amer. Communication Journal. Iss. 3. 2002. V. 5. P. 7—24.

Richardson L. Writing: A method of inquiry // The handbook of qualitative research. Second edition / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage. 2000. P. 923—948.

РАЗДЕЛ 3. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

3.1. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование соотношения двух уровней культурологического знания — фундаментального и прикладного, а вместе с тем уточнение в контексте этой методологической задачи понятийного пласта, образующегося вокруг культурной политики как фактора динамики социокультурных процессов, сегодня выдвигается в число приоритетных тем социально-гуманитарного знания. Однако преобладание работ, построенных на описаниях, в лучшем случае — на обобщении опыта региональных и локальных практик (работ, несомненно, позитивных в смысле их «надстроенности» над обыденными рассуждениями по поводу наличия/отсутствия культурной политики), не в полной мере соответствует реальной потребности в аналитических исследованиях, культурологическом анализе происходящих изменений и категориальных основаниях для концептуализации культурной политики.

Речь идет не столько о выделении понятия «культурная политика» в качестве единицы культурологического анализа (на этом поприще успешно потрудились отечественные и зарубежные исследователи в последнее десятилетие), сколько об основном содержании культурной политики как категории, о выделении теоретического пласта в прикладных исследованиях, где выявляются методологические принципы отношений между культурой и политикой, решается воп-